Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Центр социально-политических исследований и информационных технологий

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД

СТРУКТУРНАЯ ОЦЕНКА КАЧЕСТВА МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В КОНТЕКСТЕ ОБОСНОВАНИЯ ПОТРЕБНОСТИ РЫНКА ТРУДА РОССИИ

Наталья Юрьевна Сопилко, эксперт ЦСПИИТ, доктор
экономических наук, доцент,декан экономического факультета,
Лилия Валерьевна Матраева, эксперт ЦСПИИТ, доктор экономических наук,
профессор,профессор кафедры теоретической и прикладной экономики
Елена Вячеславовна Зенкина, доктор экономических наук, доцент,
заведующая кафедрой мировой экономики.

В современных условиях мировой экономики, Россия является крупнейшим государством, которое принимает множество трудовых мигрантов, особенно из государств постсоветского пространства. Для того, чтобы обосновывать структурную необходимость в рабочей силе, а также проводить эффективную миграционную политику на рынке труда РФ, требуется оценка потребности в трудовых мигрантов, качества миграционных потоков и их влияния на население страны. Проведение исследования структурных потоков трудовых мигрантов представляет собой достаточно сложную и многоаспектную задачу, поскольку требует наличие обширной и достоверной базы статистических данных как качественных, так и количественных. Однако, несмотря на это, такой анализ является актуальным и необходимым, поскольку в условиях существующих структурных диспропорций национального рынка труда, играет важнейшую роль в экономике России. По мнению некоторых специалистов, трудовая миграция выступает как приоритетное направление миграционной политики страны [1, 2], позволяя удовлетворять потребности национального трудового потенциала в дополнительной рабочей силе, акцентируя внимание на внешней трудовой миграции.

На основе статистической информации, публикуемой росстат, в настоящее время, российский рынок труда не испытывает высокой потребности в трудовых мигрантах, несмотря даже на естественную убыль населения страны (рисунок 1).

Согласно данным статистики, представленным на рисунке 1, можно выделить определенную тенденцию к снижению численности трудоспособного населения в

период с 2007 г. К началу 2022 г. значение этого показателя составляло 84,4 млн чел., что возможно сопоставить с показателем в 1991 году. Такие изменения свидетельствуют о том, что, даже при снижении численности трудоспособного населения, его значение остается в рамках определенного устойчивого диапазона без особых колебаний. При этом, следует заметить, что численность безработных не опускалась ниже 3,5 млн чел., что позволяет сделать вывод о том, что сегодня нельзя утверждать о том, что имеется абсолютный разрыв спроса и предложения, а также дефицит рабочей силы на рынке труда РФ.

На фоне такой тенденции, возможно более четко выражено наличие региональных структурных диспропорций, которые связаны с неравномерностью экономического развития регионов РФ [3]. Такие диспропорции можно наблюдать в отдельных отраслях, по отельным видам специальностей в разных регионах. При сохранении имеющейся тенденции с учетом естественной убыли населения, проблема в среднесрочной перспективе скорее всего будет усиливаться, а потребность во внешней рабочей силе будет выражена более четко (рисунок 2).

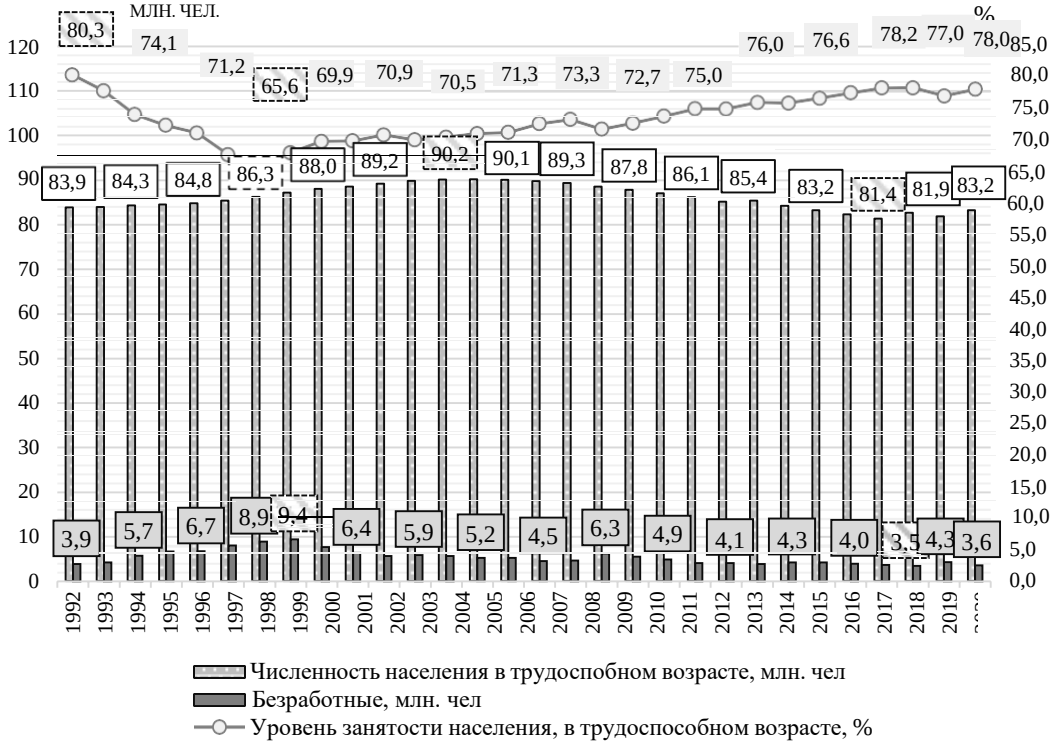

Рисунок 1 – Численность населения трудоспособного возраста и безработных в России 1992-2021 гг.

Источник: данные Российского статистического ежегодника, 2022.

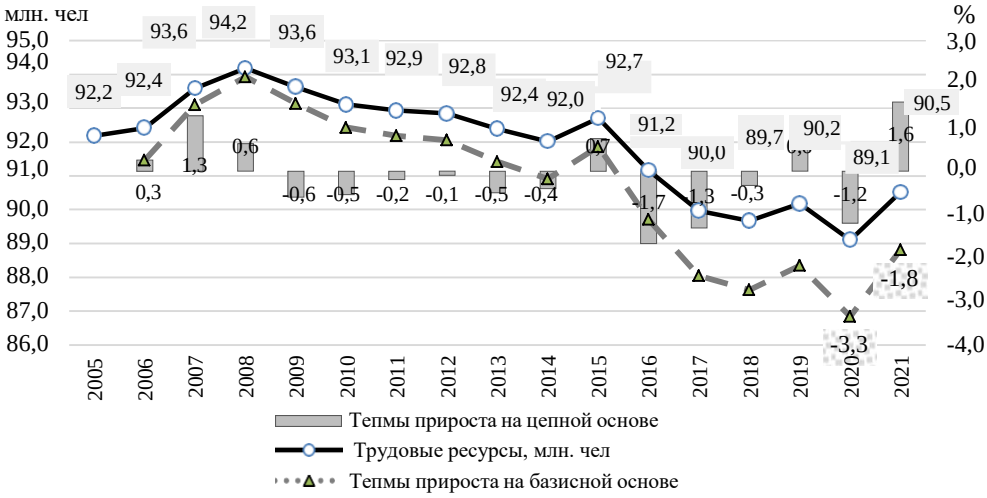

Рисунок 2 – Динамика трудовых ресурсов в России 2005-2021 гг.

Источник: рассчитано авторами на основе данных Труд в России.

Наряду с приведенными выше тенденциями для того, чтобы количественные параметры трудовых ресурсов РФ находились в диапазоне устойчивости и удовлетворяли потребностям рынка и социальной ситуации в стране, в настоящий момент, в рамках регулирования, осуществляются структурные калибровки, используется потенциал пенсионной реформы (+2,8% по сравнению с 2005 г.) и др., что создает определенную картину структурных изменений, отраженных на рисунке 3.

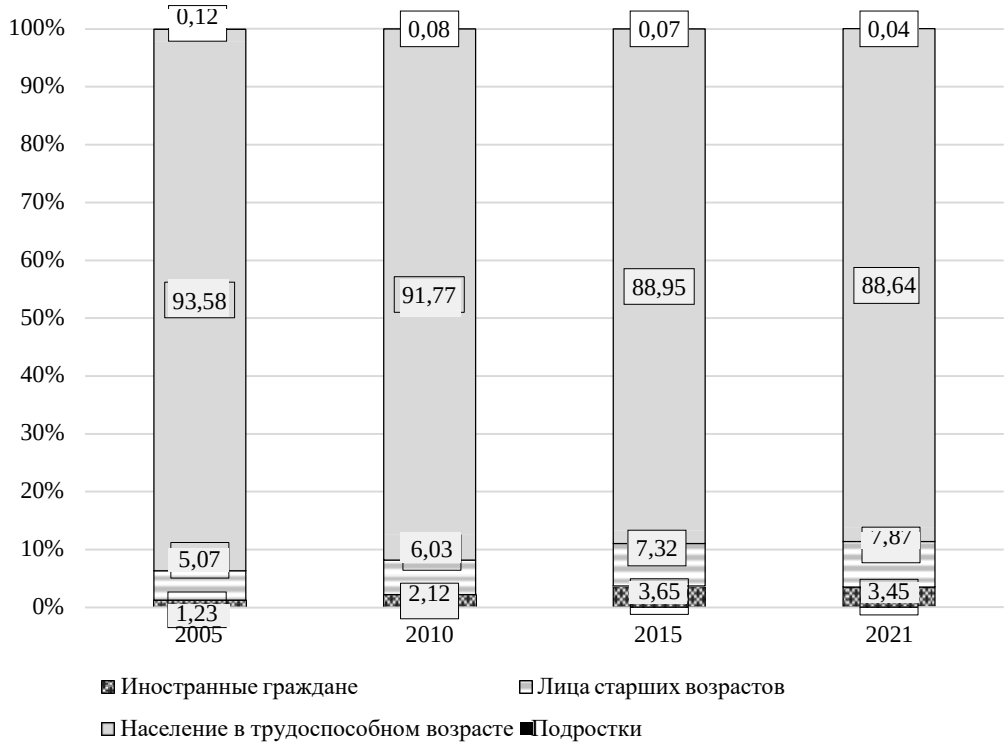

Рисунок 3 – Структурные изменения объемов трудоспособного населения за период 2005-2021 гг.

Источник: рассчитано авторами на основе данных Труд в России.

Согласно представленных данных на рисунке 3, отчетливо видны незначительные колебания в объемах трудовых ресурсов России. Такие же данные можно подтвердить и расчётом коэффициентов структурных сдвигов (рисунок 4). Рассчитанные коэффициенты Рябцева-Чурилина показывают незначительный рост за период 2005-2021 гг. (от 0,001 до 0,03 соответственно). Напротив, полученные результаты расчётов по то коэффициенту Салаи (0 до 1) четко показывают нарастающий эффект замещения базового населения в трудоспособном возрасте в том числе за счет мигрантов (от 0,04 до 0,36 в том же периоде времени). Такие различия в результатах объясняются разницей в методике расчета данных показателей: первые в отличие от вторых не зависят от числа градаций структур и означают максимально возможную величину расхождений между компонентами структуры [4].

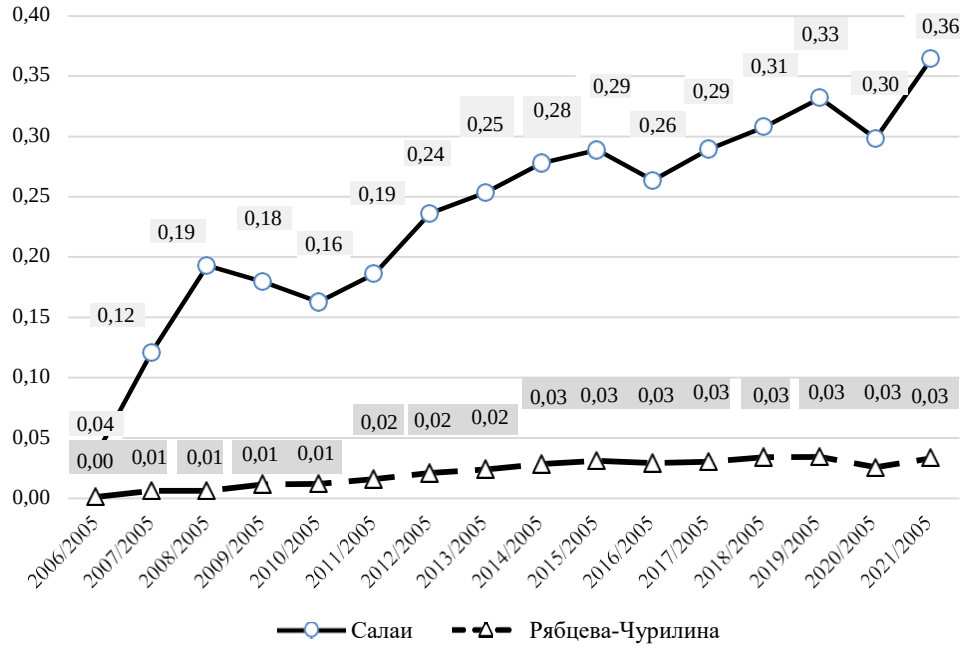

Рисунок 4 – Динамика коэффициентов структурных сдвигов за период 2005-2021 гг.

Источник: рассчитано авторами на основе данных Труд в России.

Очевидно, что для решения проблемы сглаживания данных относительно структурных дисбалансов, фрагментарного покрытия дефицита рабочей силы, по мнению специалистов [5], требуется проведение анализа и обсуждения, по реализации стратегических целей развития страны, особенно в части вопросов имеющегося уровня производительности труда.

Рассмотрим далее ряд вопросов, возникающих в ходе такого анализа, одним из которых является определение доли миграционного потока, вовлеченного в общественное производство. Прежде всего следует учитывать, что за последние годы правила учета иностранных работников в РФ, в рамках текущего статистического учета неоднократно менялись, что конечно же создает определенные проблемы сопоставимости данных за разные периоды времени и составление прогнозов. Так, например, в 2017 году в структуре данных по целям поездки, цель поездки «работа» – отсутствует. Очевидно, что такой учет приводит к росту показателя нелегальной миграции, а также параметров уровня занятости населения. В настоящее время подход в определении целей поездки исправлен, что позволяет более специфицировано подходить к анализу структуры миграционных потоков.

Сопоставив данные пограничной службы ФСБ России, нами было отмечено изменение структуры целей поездок. Резко сократились доли «служебных» (-17%) и «частных» (-20%) поездок в пользу «работы» (+25%) [6]. С 2006 г. количество мигрантов на российском рынке труда постоянно росло, небольшие корректировки присутствовали только в периоды кризисов или внешних шоков, например, в период пандемии 2020 г. [7], когда перемещение через национальные границы резко ограничили (рисунок 5).

Рисунок 5 – Динамика численности иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность в РФ за период с 1994-2021 гг., тыс. чел.

Источник: рассчитано авторами на основе данных Российского статистического ежегодника Росстат.

Проводя анализ миграционных потоков, следует особо отметить, что помимо наличия проблемы количественного измерения мигрантов, выходящих на российский рынок труда, показатель доли иностранных граждан, получивших разрешительные документы на работу в России в течение года, занятых в российской экономике, не превышает 3%.

Таким образом можно сделать следующий вывод: на фоне очевидного снижения количества населения трудоспособного возраста в РФ, а также роста миграционного потока, скорость прироста мигрантов превышает скорость их абсорбции рынком труда. Это может привести к росту социальных проблем в российском обществе. С одной стороны, будет наблюдаться увеличение теневой занятости среди мигрантов, которые получают доходы, минуя систему налогообложения и общественное воспроизводство. И одновременно, будет получен рост нагрузки на бюджет и социальную систему страны, потому что объем затрат, которые финансируются за счет государственного бюджета возрастет непропорционально объему вклада в ВВП страны.

Далее, научный интерес представляет структура миграционного потока в контексте профессионализма и его соответствия запросам рынка труда [8], поскольку

требуется определенное соответствие профессиональных характеристиках мигрантов актуальному спросу на нем. Безусловно преобладание трудоспособного населения позволяет решить тактические задачи развития трудодефицитной экономики региона. Однако доминирующую роль играет качественный состав мигрантов (уровень образования, компетенции, профессиональные навыки и др.).

В российской практике существуют определенные проблемы в этом вопросе, поскольку каждый регион формирует свои требования к профессиональному составу приезжих, претендующих на рабочие места. Россия выступала донором квалифицированных кадров за последние 30 лет, теряя приблизительно 100 тыс. специалистов ежегодно [9]. Страна теряет кадры, обладающие высоким научным и техническим потенциалом. По данным росстат, лишь за 2008 г. доля мигрантов с высшим образованием была превосходила долю мигрантов со средне профессиональным. В настоящее время (по данным за 2021 г.) структура миграционного прироста еще более размыта, поскольку практически половина прибывающих (более 40 %) – лица трудоспособного возраста, которые имеют лишь среднее общее образование. Даже имеется определенная группа людей с навыками лишь начального образования (около 5 %), претендующие на низкоквалифицированные места.

Такая тенденция конечно же актуализирует ряд проблем: соотношение вклада мигрантов в ВВП РФ, а также уровня социальной нагрузки регионов при этом; развитие теневого рынка труда с последующими проблемами социально-экономического характера; захват определенных профессиональных ниш и их монополизация.

К сожалению, в настоящее время произошли существенные изменения в российской методологии статистического учета мигрантов на рынке труда. В этой связи, у нас имеется лишь достоверная картина отраслевого распределения до 2016 г., а информация о том, какие отрасли являются основными получателями рабочей силы мигрантов является сегодня не доступной. Но при этом, переход с Общесоюзного классификатора отраслей народного хозяйства (ОКОНХ) на Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД) сильно не повлиял на распределение мигрантов по отраслям и видам экономической деятельности, преемственность сохранилась (рисунок 6, рисунок 7).

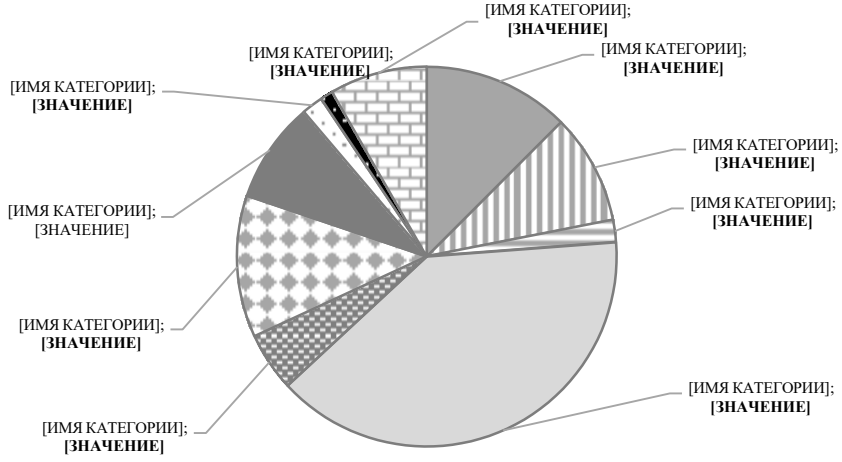

Рисунок 6 – Распределение мигрантов по отраслям народного хозяйства 2000 г. (в соответствии с ОКОНХ), %

Источник: рассчитано авторами на основе данных Труд в России.

Также можно отметить, что в период с 2011 по 2016 гг. учитывалась численность иностранных граждан, которые имели действующие разрешения на работу по профессиональным группам [10].

Очевидно, что, исходя из данных представленных на рисунке 6 и на рисунке 7 строительство лидирует и составляет 36-39 %, оптовая и розничная торговля 12-17 % и промышленность 12-15 %.

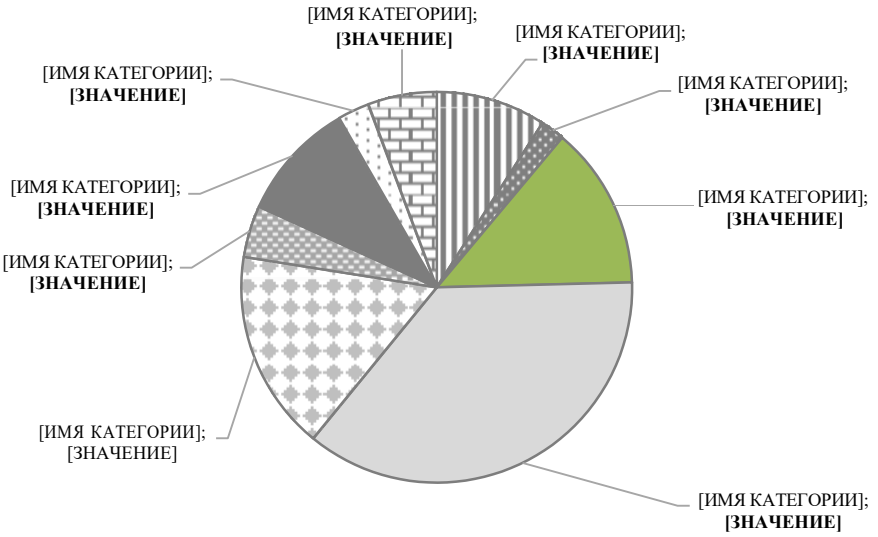

Рисунок 7 – Распределение мигрантов по отраслям народного хозяйства 2010 г. (в соответствии с ОКВЭД), %

Источник: рассчитано авторами на основе данных Труд в России.

Хотелось бы подчеркнуть, что с 2016 г. статистический учет мигрантов стал еще более агрегированным, учитывал лишь численность иностранных граждан, высоко- и средне профессиональных специалистов, которые имели действующие разрешения на работу. Такой учет приводит к тому, что, на его основе невозможно достоверно оценить распределение мигрантов по отраслям народного хозяйства, одновременно, сохраняя недостаток предыдущей методики, показывая распределение только среди иностранных граждан, для которых требуются разрешения. Все это приводит к ограничениям прогнозирования тенденций на рынке труда.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что сегодня мы не можем дать достоверную оценку степени соответствия структуры миграционного потока тем структурным пропорциям открытых вакансий, которые формирует российский рынок труда, что затрудняет разработку эффективной селективной политики, поскольку невозможно сопоставить структуру спроса на определенные специальности в отечественной экономике с предложением труда со стороны мигрантов.

Далее возможно рассмотреть вопрос относительно социально-демографической структуры миграционного потока, поскольку помимо уровня образования определенную роль в формировании рынка труда и оценки качественного состава миграционного потока играет его возрастной и гендерный состав.

Так по данным росстат в период с 1995 по 2021 гг., наибольшая доля в иностранных миграционных потоках представлена мужчинами (80 %). Показатель явля-

ется весьма стабильным, сравнивая с гендерным распределением общего количества мигрантов, можно утверждать, что женщины не выходят на рынок труда, и остаются дома, ухаживая за детьми, либо являются активной частью теневого рынка труда.

Более половины всех иностранных работников в РФ составляют мигранты в возрасте до 40 лет. Однако следует отметить, что, начиная с 2012 г. сформировался устойчивый тренд на снижение притока молодежи. Такая тенденция может свидетельствовать как о дифференциации миграционных потоков, Россия перестала быть монопольным реципиентом рабочей, так и об истощении исторических связей, когда страна рассматривалась как цитадель культуры, универсальной для бывших республик СССР [11]. В настоящее время молодежь предпочитает другие страны, ставшие более близкими по культурной, религиозной и языковой составляющей, что в свою очередь свидетельствует об увеличении разрыва между странами и более трудоемкой адаптации приезжих мигрантов под традиционный для России «культурный код».

Более 10% за последние 5 лет остается доля мигрантов возрастной группы 50-54 года. Наибольший удельный вес мигрантов среди иностранцев, имевших разрешение на работу, отмечается в возрастной группе 30-39 лет (35%) и 40-49 лет (26% за 2020 г.), растет доля приезжих иностранцев с действующим разрешением на работу возрастной группы 60 лет и старше (4,1 %). (рисунок 8). Поступательное снижение доли иностранных граждан младшей возрастной группы на рынке труда, говорит о формировании риска снижения эффективности адаптационных программ для привлеченных из-за рубежа работников.

Для оценки качества миграционного потока также важными характеристиками являются этнические и культурные параметры. Исторические и социокультурные аспекты позволяют мигрантам проходить адаптацию за более короткий период времени в этнокультурном отношении, с меньшим количеством конфликтов, культурных и религиозных противоречий с населением принимающей страны.

Адаптационный процесс анализируют, как правила в двух направлениях [12], кроме профессиональных компетенций и структуры, играет ключевую роль в качественных характеристиках трудовых мигрантов. Его следует анализировать в двух направлениях: с одной стороны – с позиции скорости включения в социально-экономическое развитие территории (быстрота вовлечения в общественное воспроизводство, профессиональных умений и навыков), а с другой стороны – относительно нарастания риска искажения социокультурной среды принимающей территории (язык, традиции, культура, религия и т.д.).

Основываясь на классификации, предложенной американским социологом Дж. Берри [13], выделяется четыре степени адаптации: ассимиляция (абсолютное принятие чужой и отказ от своей культуры); интеграция (сохранение своей культурной идентичности и одновременное присоединение к доминирующему обществу); сегрегация или сепарация (полное сохранение своей культурной идентичности и отказ от принятия культуры большинства); маргинализация (потеря культурного и психологического контакта, как со своей традиционной культурой, так и с культурой большего общества).

Проводя анализ культурных и этнических характеристик миграционного потока РФ, можно констатировать, что подавляющая часть международных мигрантов прибывает в страну из стран постсоветского пространства: больше всего с целью «работа» – из Узбекистана (46,1 %), Таджикистана (22,7 %) и Кыргызстана (10,5 %), что составляет порядка 80 %. На этот процесс влияют особенности языкового и культурного развития, делающие адаптацию мигрантов более плавной.

Однако, до 80% всех мигрантов составляют граждане мусульманских стран, и

опыта управления религиозным аспектом их адаптации в стране пока не сформировалось. Мигранты только частично адаптировались к российским условиям, в большинстве случаев плохо знают русский язык. Для них характерна территориальная и отраслевая концентрация в ограниченном числе сфер экономической деятельности. При этом, социальные условия их проживания неблагоприятные.

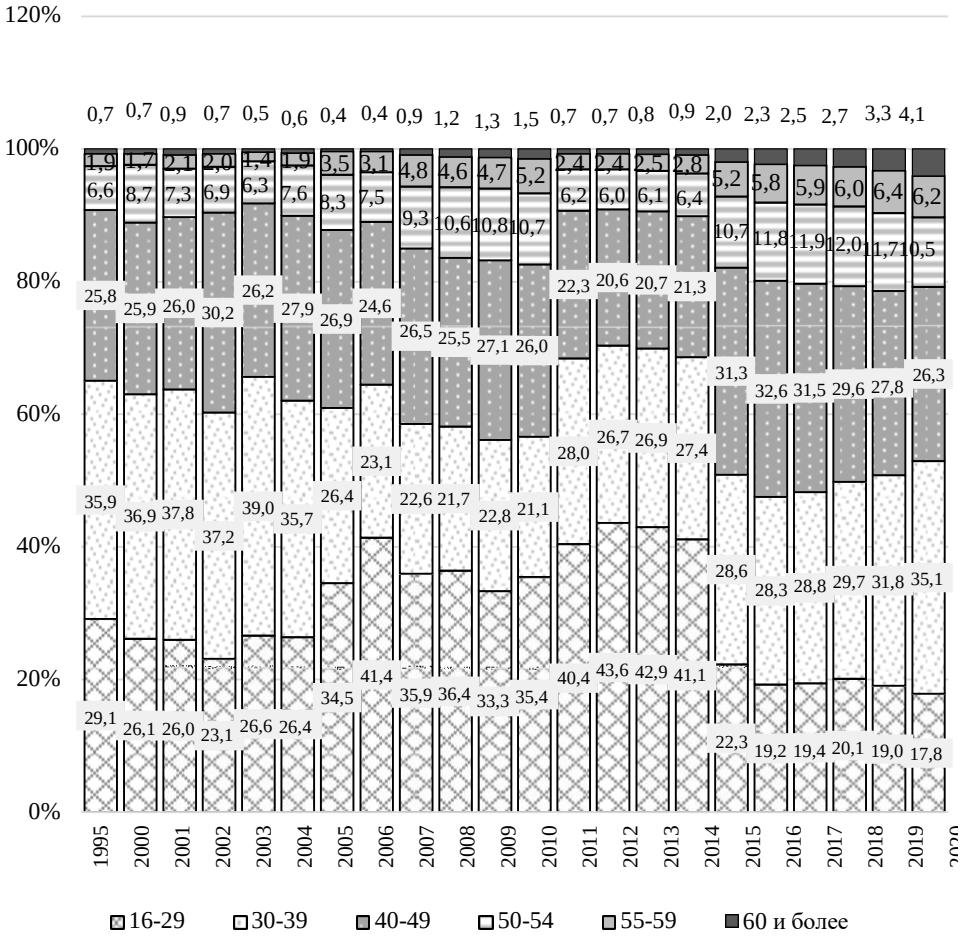

Рисунок 8 – Динамика распределения численности иностранных граждан, имеющих разрешение на работу по возрасту 1995-2020 гг., %

Источник: рассчитано авторами на основе сборника «Численность и миграция населения Российской Федерации 2021»

Такая тенденция приводит к возникновению острых проблем размывания национальной идентичности россиян. Для российского полиэтничного общества увеличение такого класса мигрантов не способствует повышению устойчивости национального государства, приводит к культурным и религиозным противоречиям с населением принимающей страны [14], которая сопровождается идеологической поляризацией. В свою очередь, государство и гражданское общество должны своевременно реагировать на случаи возникновения этнополитических конфликтов в результате миграции населения и изменения демографической структуры, а также координировать и

регулировать данные процессы.

Подводя итоги проведенного качественного и количественного анализа миграционных потоков РФ, можно отметить, что выделенный комплекс проблем относительно доли миграционного потока, вовлеченного в общественное производство и абсорбируемого российским рынком труда, его профессиональной и социально-демографической структуры, соответствия запросам рынка, а также этнических и культурных характеристик позволяет утверждать, что замещающая трудовая миграция осуществляет в некотором роде деструктивную функцию на пространстве России, способствуя обострению проблемы национальной идентичности и ее социальной угрозе, что в целом усложняет границы институционального поля, оказавшегося недостаточным для консолидации общества.

Литература

1. Рязанцев С., Гневашева В. Международная миграция и рынки труда в пандемию COVID-19 // Международные процессы. 2023. Т. 19. №. 4. С. 89-103.
2. Комаровский В.В. Современные миграционные потоки на постсоветском пространстве // Социально-трудовые исследования. 2023. №. 1 (50). С. 41-53.
3. Ткаченко А.А. Миграционные интересы и устремления стран СНГ // Социально-трудовые исследования. 2023. №. 2 (51). С. 27-37.
4. Рубинская Э.Д. Динамика и структура международной трудовой миграции: глобальные тренды // ДЕМИС. Демографические исследования / DEMIS. Demographic Research. 2023. Т. 3. №. 1. С. 92-101.
5. Аношина Ю.Ф., Гайдаренко Л.В., Симонов С.Ю. Миграционные процессы в России: причины, факторы и последствия // Russian journal of management. 2022. Т. 10. №. 2. С. 6-10.
6. Сопилко Н.Ю., Кубасова Е.И., Мясникова О.Ю. Развитие интеграции Евразийского экономического союза для достижения целей устойчивого развития в контексте роста качества жизни населения // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2022. № 1. С. 115-125.
7. Воронина Н.А., Волох В.А. Социальные риски пандемии // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2022. № 2. С. 8-16.
8. Смелов П.А., Егорова Е.А. Внешняя трудовая миграция в Российской Федерации // Статистика и экономика. 2018. №. 6. С. 80-87.
9. Бурда М.А. Миграционные процессы на постсоветском пространстве: Россия и особенности внешней трудовой миграции // Проблемы постсоветского пространства. 2023. Т. 9. №. 4. С. 399-407.
10. Югай Ю.В. Трудовая миграция из стран Центральной Азии в Россию // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. №. 2. С. 206-219.
11. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Международная трудовая миграция в Россию // Международные процессы. 2019. Т. 17. №. 4. С. 65-83.
12. Акрамов Ш.Ю., Рахмонов А.Х. Социально-экономический и демографический потенциал этнических групп мигрантов в России // Труд. 2023. Т. 34. №. 2. С. 184-195.
13. Берри Дж. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы/ пер. с англ. И. Шолохова // Развитие личности. 2001. № 3/4. С. 183-193.
14. Красинец Е.С. Международная трудовая миграция в развитии современной России // Народонаселение. 2022. Т. 25. №. 2. С. 104-115.